

**ПОТОМКИ КУЧУМА В XVII В. И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ
АНТИРУССКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Васьков Дмитрий Александрович

старший преподаватель УрФУ, г. Екатеринбург

E-mail: dvaskov@mail.ru

Одной из особенностей начального этапа колонизации Сибири было противостояние русских с кочевым миром. Как отмечали известные историки-сибиреведы С.В. Бахрушин и В.И. Шунков, освоение южных, пограничных со степью районов было сразу и надолго остановлено вследствие противодействия «немирных орд» кочевников [4, с. 147; 30, с. 237-239]. На рубеже XVI – XVII вв. в степных районах урало-сибирского региона доминировали ногаи. В 1610-х гг. их вытеснили более многочисленные и агрессивные калмыки (ойраты), переселявшиеся из степей Западной Монголии. Последних к концу XVII столетия потеснили казахи. Отношения между русскими колонизаторами и кочевниками отличались противоречивым и нестабильным характером, варьируясь от мирных посольских и торговых связей до различного рода конфликтов вплоть до открытых вооруженных столкновений, что в целом всегда было типично для отношений «леса» и «степи». Постоянное присутствие кочевого мира на южном фронтире было существенным фактором, определявшим специфику протекания социально-экономических, политических и этнодемографических процессов в регионе.

Важное место в истории непростых взаимоотношений русских и кочевников принадлежит царевичам Кучумовичам. Вплоть до конца XVII в. сыновья, внуки и правнуки последнего сибирского хана представляли опасность для русского и ясачного населения Уфимского, Туринского, Верхотурского, Тобольского, Тюменского, Тарского и западной части Томского уездов. В военном отношении они не представляли слишком серьезной угрозы

– численность их отрядов редко превышала две-три сотни человек, а иногда насчитывала всего несколько десятков воинов (хотя и этого порой было достаточно, чтобы совершить внезапный разорительный набег).

Кроме того, важно отметить, что враждебная деятельность Кучумовичей вряд ли была бы возможна без поддержки внешних сил. В частности, старшие сыновья Кучума Алей и Канай ориентировались на традиционный союз с ногаями – они оба были женаты на дочерях видных ногайских мурз. Еще в 1601 г. силы Кучумовичей в совокупности насчитывали 450 воинов, в основном из башкир-табынцев и сынрянцев. После присоединения в 1603 г. к Алею ногайского мурзы Уруса их соединенный отряд стал насчитывать уже 1100 человек.

В 1604 г. в непосредственной близости от Тарского уезда стали кочевать калмыки, представленные поначалу торгоутами во главе с тайшей Хо-Урлюком и дербетами, которых возглавлял тайша Далай-Богатырь. Несмотря на то, что у самого хана Кучума с калмыками были достаточно напряженные отношения [25, с. 160–161, 305, 352; 13, с. 297] (царевич Канай даже был уверен, что их отца «заманив в Колмаки оманом убили»), между Кучумовичами и ойратскими князьями сразу же стали устанавливаться союзнические отношения. До сибирской администрации доходили сведения о том, что «Алей царевич с братьею ссылаютца с послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие и тем чают вперед у них меж собя одиначества и свойства ближнева» [6, с. 232]. Ведущую роль в установлении тесных связей между калмыками и наследниками Кучума сыграло, видимо, то, что последние были потомственными Чингизидами, а авторитет Чингисхана в тюрко-монгольском мире, как известно, никогда не подвергался сомнению. В частности, в источниках отмечается, что «колмацкие люди почитали» царевича Ишима, даже не взирая на то, что у последнего в «свите» в 1608 г. было всего 15 человек. Ишим был женат на дочери главы торгоутов Хо-Урлюка, что

свидетельствует о его высоком положении среди ойратской кочевой знати. В последствии, правда, по каким-то причинам жена ушла от царевича, но это никак не сказалось на его отношениях с Хо-Урлюком. Более того, он сумел упрочить свои связи с калмыками, женившись на сестре видных чоросских (джунгарских) тайшей Байбагиша и Чокура. После смерти Ишима в 1624 г. [14, с. 57-58] союз с калмыками, можно сказать, по наследству перешел к его сыновьям (царевичи Аблай, Тевка и Бугай) и внукам (царевичи Кучук, Чучелей, Кансувар и Дюдюбек).

По косвенным данным можно установить, что связаны с калмыкаими были также царевичи Алтанай и Чувак. В частности, сын последнего Девлет-Гирей находился «в ближнем племянстве» с тайшей Мергеном [15, с. 572]. Используя помощь калмыков, царевич зарекомендовал себя злейшим врагом русских в 1630 – начале 1660-х гг. В 60 – 80-х гг. XVII в. в набегах на ясачное население проявил себя сын Девлет-Гирея царевич Асан.

Таким образом, в течение всего XVII в. Кучумовичи при активной поддержке со стороны калмыков «всчинали многую ссору и войну» на степных границах бывшего Сибирского юрта. Так, в 1607 г. царевичи Азим, Ишим и сын Алея Кансувар вместе с «колмацкими воинскими людьми» совершили набег на Тюменский уезд, где был разгромлен Киньырский городок. Спустя десять лет царевич Ишим вместе с калмыками громил Уфимский уезд. Пожалуй, пик враждебной деятельности Кучумовичей пришелся на 1629 – 1635 гг., когда Аблай и Девлет-Гирей систематически опустошали южные районы Тюменского, Тарского и Томского уездов, причем осаде подвергались Тюмень и Тара. В 1640 г. Девлет-Гирей громил ясачных татар в Тюменском уезде. Его двоюродный брат Бугай и племянник Кучук весной 1648 г. разоряли уфимские волости ясачных башкир. В 1651 г. царевичи с отрядом в 300 человек устроили дикий погром в Далматовском Успенском монастыре [16, с. 353]. В конце 1659

г. царевичи совместно с торгоутами и дербетами разгромили Барабинские волости, причем убит был 61 человек и 733 угнаны в плен [16, с. 408-410].

В столкновениях с русскими Кучумовичи и их сторонники также несли потери. В 1607 – 1608 гг. после ряда успешных операций служилых людей и казаков в плену оказались царевичи Алей, Азим, Алтанай и Кансувар. Об Алее известно, что он прожил в почетной ссылке в Ярославле до царствования Алексея Михайловича. Царевич Алтанай, сдавшийся добровольно, стал основателем рода Сибирских царевичей (с 1718 г. – Сибирских князей) в составе русской служилой аристократии [7, с. 164]. В 1635 г. большой удачей завершился поход уфимских служилых людей, когда в плен были взяты Аблай и Тевка [23, с. 27; 18, с. 155-162; 29, с. 46]. При этом вместе с ними в плен попали 54 калмыка, а «достальных колмацких людей побили наголову». В 1661 г. отряд служилых людей из Тобольска разгромил улусы Девлет-Гирея, причем было захвачено свыше 2,6 тыс. голов разного скота, а сам царевич едва не попал в плен [20, л. 75-76].

Однако решить проблему набегов Кучумовичей военным путем было очень сложно. Во-первых, царевичи часто успевали откочевать достаточно далеко в степь. Во-вторых, серьезной проблемой была хроническая нехватка служилых людей в Сибири. Поэтому русская администрация чаще всего пыталась нейтрализовать угрозу с их стороны дипломатическим путем. Первые попытки договориться с сыновьями Кучума и перетянуть их на свою сторону предпринимались еще в 1600 г., когда тюменские служилые люди и юртовские татары, прибыв в ставку к царевичам, объявили, что «государь царь ... хочет их держать под своей государевой царской высокой рукой» [22, стлб. 274-275]. Посольства к Кучумовичам были отправлены из Тобольска, Уфы и Тюмени. Однако из-за ошибок тобольской администрации (царевич Кубей-Мурат был отправлен из Тобольска в Москву без согласия старших братьев, «и тем де их ожесточили, и они де ехати боятся») договориться с ними тогда не удалось.

После установления тесных связей с калмыками Алей прекратил переговоры и с 1606 г. перешел к враждебным действиям. В последствии безрезультатные переговоры велись с Ишимом, а в 1630 – 1640-х гг. – с Девлет-Гиреем.

Вопрос о выдаче Кучумовичей русским неоднократно ставился во время переговоров с калмыцкими тайшами. Последние иногда давали обещание выдать кого-либо из царевичей, по всей видимости, желая извлечь из этого политическую выгоду. Несмотря на частые обещания в течение всего XVII в. никто из представителей рода Кучума калмыками выдан не был.

Тем не менее, положение потомков Кучума среди калмыцкой знати, как отметил Н.В. Устюгов, было достаточно шатким и полностью зависело от политической обстановки в степи. Так, в 1648 г. глава дербетов тайша Даян-Омбо предлагал русским свои услуги в случае враждебных действий со стороны Девлет-Гирея. Он даже обещал выдать царевича русским властям, благо что тот у него «за холопа место» [23, с. 325; 29, с. 48]. В 1667 г. хошеутовский тайша Аблай, который вел переговоры с сибирскими воеводами, взял у царевича Кучука аманатов, «чтобы де, он без его указу воевать никуда не ходил» [2, с. 374]. В 1669 г. хошеутовский Очирту-Цецен-хан грозил царевичу Кучуку «выдать его с головою» русским, если он не прекратит своих набегов и не вернет русских пленных. При этом Кучук, «убоясь его, воевать перестал и государевых пленных людей», которых он еще не успел продать, отпустил. После этого, напуганный угрозами Очирту-хана, царевич отправил посольство к тарскому воеводе князю Ф. Мещерскому с обещанием «служить вечно» [24, с. 213]. Так, во второй половине XVII в. потомки Кучума попали в большую зависимость от более могущественной ойратской знати, что объяснялось недостаточными собственными силами.

Наибольшая же опасность от присутствия Кучумовичей на южных «украинах» Сибири заключалась в том, что ряды их сторонников могли пополняться всеми недовольными русской властью. Тяжесть ясачного

обложения, злоупотребления воевод и ряд других причин приводили к различного рода «шатостям» и «изменам» среди ясачного населения. Идея альтернативного подданства Кучумовичам как прямым наследникам последнего сибирского хана иногда проявлялась среди некоторой части башкир, сибирских татар, хантов и манси. Это обстоятельство было настоящей головной болью для русской администрации Сибири, т.к. протестные настроения порой перерастали в открытое неповиновение, отъезды в степь и восстания. Выход из такой ситуации ясачные люди обычно видели в смене русского подданства. В таких случаях новых сюзеренов обычно искали в лице калмыков, либо Кучумовичей, причем последние в глазах всех недовольных русскими в Сибири для этой роли подходили как нельзя лучше.

Первые тревожные вести подобного рода относятся еще к началу XVII в. и обычно связываются с событиями Смуты. Так, в 1604 г. подозрительно для русских властей вели себя тюменские, туринские и верхотурские ясачные татары и вогулы. Верхотурскому воеводе Н. Плещееву «торговые люди пермичи Ондрюшка Негодяев с товарищи» рассказывали в съезжей избе о том, что татары и вогулы расспрашивали их: «Тихи ли деи в сибирских городех вести, и где ныне кочует Кучумов сын Алей царевич с братьею». При этом торговые люди свидетельствовали, что «ездят деи тотаровя и вогуличи на конех, а иные пеши ходят в доспехах и пансырех неведомо для чего» [7, с. 146]. Однако тогда ничего страшного не случилось, т.к. до 1606 г. Алей воздерживался от открытого выступления против русских, хотя его враждебных действий сильно опасались. Объясняется это тем, что царевичи тогда вели переговоры с русской администрацией о возвращении из Москвы родственников («царевичев и цариц»), плененных еще отрядом А. Воейкова во время Ирменской битвы с Кучумом в 1598 г. Уже позднее, в разгар Смуты в 1609 г., когда туринские и тюменские татары и верхотурские вогулы, узнав о том, что «на Москве русские люди меж собою секутся» [15, с. 246], стали

склоняться к восстанию, Алей ничем не мог им помочь, т.к. силы Кучумовичей были разгромлены в 1607 – 1608 гг. В целом же, как известно, период Смутного времени Сибирь пережила сравнительно благополучно.

По-настоящему опасные события, связанные с массовыми выступлениями коренного населения, произошли в южной части Западной Сибири на рубеже 1620 – 1630-х гг. Крупное восстание ясачных татар в Тарском уезде в 1628 – 1631 гг. современники назвали «барабинской смутой». Как отмечала К.В. Волкова, специально изучавшая этот вопрос, основными причинами выступления послужили усиление ясачного гнета при вопиющих злоупотреблениях тарских воевод Ю. Шаховского и М. Кайсарова, а также явная неспособность русских властей прекратить вторжения калмыков в ясачные волости [10, с. 118-119]. Основную массу восставших составляли татары барабинских волостей, к ним также примкнули некоторые группы тюменско-туринских и томских татар. С самого начала активную поддержку повстанцам оказывал телеутский князь Абак [28, с. 46]. Утверждение, что Кучумовичи выступили активными «вдохновителями и организаторами вооруженных нападений на русских» [17, с. 128], представляется не совсем корректным, т.к. Аблай и другие царевичи приняли руководство восстанием только в 1629 г. Причем, инициатива привлечения их к восстанию изначально исходила от самих восставших.

Бунт плательщиков ясака принял стихийный характер и сопровождался погромами и массовыми отъездами в степь. В 1628 г. восставшие сожгли Барабинский острожек и предприняли неудачную осаду Тарского города [28, с. 119]. Весной 1629 г. «тарские изменники», с которыми русская администрация изначально хотела договориться мирным путем, концентрировались в районе озера Чаны. Однако, узнав об активных переговорах татар с Аблаем, воеводы поняли, что дело принимает слишком опасный оборот, и перешли к решительным мерам. В июне 1629 г. тобольский отряд разгромил

«изменников» «на Чане озере». В конце лета 1629 г. «государевыми изменниками» и калмыками была предпринята вторая попытка осады Тары, на этот раз под общим руководством царевича Аблая [28, с. 122]. Гарнизону города с трудом удалось отбиться. Пограбив окрестности и отогнав скот, восставшие вынуждены были отойти. После этого Аблай переместился восточнее и планировал осадить Томск.

Восстание как таковое закончилось в 1631 г., т.к. Кучумовичи и калмыки с откочевавших к ним татар стали собирать албан (дань) в гораздо большем объеме, чем русские ясак. Среди восставших стали зреть настроения вернуться обратно в пределы России. К концу года большинство бунтарей пришли к воеводам с повинной, умоляя защитить их от недавних сюзеренов.

Также в начале 1631 г. русские служилые люди одержали ряд военных побед. Ранней весной томский отряд Я. Тухачевского взял штурмом городок чатского мурзы Тарлава. На помощь последнему подошли царевичи Аблай и Девлет-Гирей, но Тухачевский смог от них отбиться. В результате Тарлав погиб, а Кучумовичи снова ушли на запад в район Тары. Их коалиция фактически развалилась, т.к. Абак к этому времени разорвал свои отношения с царевичами, а большая часть татар прекратила восстание. Последующие набеги царевичей на южные районы сибирских уездов осуществлялись в основном при поддержке калмыков и лишь некоторой части татарских «изменников», не желавших возвращаться обратно на прежние места жительства.

Первая половина 60-х гг. XVII в. характеризовалась очередным крупным потрясением, связанным с башкирским восстанием 1662 – 1664 гг. и рядом антирусских выступлений в Западной Сибири. Один из спорных моментов историографии этих движений заключается в вопросе о руководящих и движущих силах в восстании. Так, некоторые исследователи ставят под сомнение корректность самого выражения «башкирское восстание», считая, что движение башкир «было лишь частью скоординированных действий широкой

коалиции антирусских сил», в которой сами башкиры играли далеко «не руководящую роль» [11, с. 329], а главными инициаторами восстания были Кучумовичи и некоторые калмыцкие тайши. Не вдаваясь в историографические тонкости, укажем только, что историки в основном сходятся на том, что причины, подтолкнувшие башкир к выступлению заключались в усилении ясачного гнета, произволе местной русской администрации, а также в категорическом запрете царского правительства на набеги башкир в калмыцкие улусы [29, с. 61; 19, с. 108; 1, с. 67]. Все это вызвало острое недовольство башкир и спровоцировало их искать выход из ситуации в смене подданства и сотрудничестве с калмыками и Кучумовичами. Последние же, как правило, всегда были там, где возникала угроза русским порядкам, т.к., по словам С.М. Соловьева, в течение всего столетия они не отказывались от «притязаний на отчину и дедину» [26, с. 624] и выступили активными участниками восстания.

Прямых указаний о подстрекательской деятельности Кучумовичей в источниках нет. Хотя в этом плане весьма оригинальным и небезосновательным представляется предположение Н.В. Устюгова о хитроумном плане царевичей по переброске своих сторонников в башкирские кочевья, когда последние уже начали роптать и проявлять недовольство. Дело в том, что в 1661 г. состоялся поход тобольских служилых людей на кочевья Девлет-Гирея и Бугая. После этого погрома в русские пределы вернулось 8 татарских семей и 214 семей башкир [15, с. 635]. Среди них были как когда-то насильно захваченные Кучумовичами, так оказавшиеся у них по собственному желанию «государевы изменники». Вполне вероятно, что последние как раз по указанию Кучумовичей и начали вести «подрывную работу» среди башкирского населения. Впрочем, башкиры и сами проявили инициативу, «забыв бога, шерть свою и прадедов, и дедов, и отцов своих преступили и нарушили, великому государю изменили ... и пристали к Сюлтюку х Кучуку салтану, иные и отъехали к нему» [12, с. 184].

Помимо башкир в восстании приняли участие и другие народы. В частности, это мари, сибирские татары и вогулы (манси), которые «подавали руки» царевичам Кучумова рода [26, с. 625; 1, с. 73]. В связи с этим заслуживает внимания выступление обдорского князя Ермака Мамрукова в 1662 г. Заговор хантов Березовского уезда предполагал захват власти местными князьками и изгнание русских из Сибири. Сам Ермак должен был сидеть в Березове и собираемый с местных племен ясак отправлять в Тобольск, где должен был находиться один из Кучумовичей, выступавший, видимо, в роли своего рода «верховного правителя» всей Сибири. Реализации этих планов «помешал» березовский воевода А.П. Давыдов, по указанию которого Ермак и еще 17 его соратников были схвачены и повешены [5, с. 136; 9, с. 124].

Таким образом, как башкиры, так и другие повстанцы Кучумовичам отводили особую роль в восстании, т.к. одним из лозунгов был клич: «Поднялся де на Русь наш царь». Причем под этим «царем» подразумевался обязательно кто-то из потомков Кучума.

Следует отметить, что во время восстания царевичи стали меньше зависеть от калмыцкой помощи, т.к. их отряды заметно пополнились башкирскими перебежчиками. В этом плане достаточно любопытные записки оставил неизвестный иностранный офицер, побывавший в это время в Сибири. Видимо, весьма наслышанный об одном из Кучумовичей (скорее всего, о Кучуке), он писал: «Этот царевич выдает себя за наследника этого края и никогда не отдаст себя добровольно. Иногда ему удастся перетянуть на свою сторону башкиров, тогда он делает из этого большой шум» [3, с. 333]. Действительно, после окончания восстания в 1664 г. и возвращения большей части повстанцев на прежние места жительства в отрядах Кучумовичей еще оставалось достаточно много башкирских воинов.

Активное участие в антирусском движении приняли также калмыцкие тайши. Это, враждебно относившийся к русским в данный период, торгоут

Дайчин, а также его зять – тайша Аюка. Кроме них восставшие вели переговоры с дербетским тайшей Малаем, который в 1660 – 1661 гг. совершал набеги на ясачных татар Тарского уезда. Однако о его участии в столкновениях с русскими в период восстания 1662- 1664 гг. ничего не известно. В известных источниках также нет никаких упоминаний о совместных операциях Кучумовичей с калмыцкими отрядами. Считается, что сфера влияния Дайчина и Аюки была в Западной Башкирии (Казанская и Ногайская дороги), а Кучумовичей – в ее зауральской части (Сибирская и Осинская дороги), т.е. и те и другие действовали в целом самостоятельно. Однако Кучумовичи продолжали сохранять подчиненное положение по отношению к калмыцким тайшам. Так, в 1664 г. царевич Кучук рассылал башкирской знати ярлыки, в которых предписывал ей стараться не обижать подвластное население при сборе продовольствия. В одном из таких ярлыков царевич называл себя «салтаном», а тайшу Дайчина своим «отцом», признавая тем самым главенство последнего над собой и своими братьями [12, с. 180].

В литературе по истории движения 60-х гг. XVII в. более чем подробно рассмотрена событийная канва самого восстания. Поэтому, не останавливаясь на ходе событий, отметим только, что «сценарий» развития движения 1662 – 1664 гг. во многом аналогичен «барабинской смуте» 1628 – 1631 гг. Причины, побудившие ясачных людей к протесту, также во многом сходны в обоих случаях. Как сибирские татары в 1628 – 1631 гг., так и башкиры в 1662 – 1664 гг. в знак протеста уходили из пределов влияния русской администрации к Кучумовичам и калмыкам, но после этого, не выдержав гнета новых сюзеренов, возвращались обратно, каясь в своих «многих неправдах» и «воровстве». Движение 1660-х гг. отличается от Тарского восстания, скорее всего, только более грандиозными масштабами как по количеству и составу участников, так и по ожесточенности и кровопролитности военных действий.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что ни Кучумовичи, ни калмыки, несмотря на свое активное участие в восстании не оказали на его ход существенного влияния, т.к., по справедливому замечанию Н.В. Устюгова, «достаточных сил для борьбы с русским государством у них не было» [29, с. 109]. Оказывая поддержку повстанцам, они не оправдали их надежд. Дайчин в 1663 г. неожиданно рассорился с башкирами и совершил на их кочевья набег. А Кучук сорвал общее выступление восставших всех четырех дорог осенью 1663 г., не появившись в месте общего сбора в районе болота Кочевань [12, с. 168-169; 29, с. 96; 1, с. 76]. В середине марта 1664 г. против «изменников башкирцев» двинулся карательный отряд полковника Д. Полуектова, который жестоко начал подавлять повстанцев. Царевичи Кучук, Асан и Чучелей с отрядом в 300 человек, только услышав о погроме, учиненном Д. Полуектовым в башкирских кочевьях, спешно бежали на юг в район Яика, показав тем самым свою полную несостоятельность. После этого многие разочаровавшиеся в них башкиры с повинной вернулись обратно в российские пределы.

Таким образом, основная роль Кучумовичей в антирусских движениях в XVII в. сводилась к тому, что в глазах народов урало-сибирского региона они выступали в качестве законной альтернативы российскому подданству. На их сторону порой склонялись традиционные симпатии коренного населения, уже имевшего опыт собственной государственности до прихода русских [См.: 27, с. 184]. Практически перманентная борьба наследников Кучума с русскими, их нежелание отдаться под власть московского царя порой подогревала сепаратистские устремления среди всех недовольных. Также их враждебная деятельность была тем фактором, который во многом способствовал эскалации конфликтов на южных границах русского влияния в Сибири. Тем не менее, несмотря на определенную «царственную харизму» Кучумовичей, как уже отмечалось, у них не было достаточных сил и средств, чтобы оказывать повстанцам существенную помощь.

В заключение представляется возможным внести некоторую ясность в вопрос о стремлении Кучумовичей во что бы то ни стало «возвратить в Сибирь дорусские порядки», «воссоздать былое могущество» путем «восстановления Сибирского юрта», как иногда утверждается в сибиреведческой литературе. Косвенным аргументом в пользу этих суждений может быть тот факт, что Кучумовичи всегда действовали на пространстве от Уфы до Томска, что в общих чертах совпадает с южными границами Сибирского ханства. Поддерживавшие их калмыцкие группировки обычно надолго не задерживались в степях Южного Урала и Западной Сибири и, постоянно сменяя друг друга, перемещались либо на запад в сторону Приуралья и Поволжья, либо обратно на восток в джунгарские степи. Вполне вероятно, что Кучумовичи, оставаясь в этих районах, могли мечтать о восстановлении прежней государственности. Однако в известных источниках этому нет прямых подтверждений. Так, в 1624 г. царевич Ишим «хвалился» перед русским полоняником Филькой во время его совместного похода с калмыками «на трухменцов», что «сибирские де казаки отца его Кучюма извели, а братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, и ему де Ишиму приходит за то на государевы города войною» [22, стлб. 456]. Его сын Аблай на пике своих успехов в 1634 г. грозился совершать набеги «покаместа он и жив будет». Очевидно, что кроме мотива мести в этих заявлениях больше ничего не содержится. В 1639 г. послы Девлет-Гирея, Капланда и Ишей, будучи в Москве, приводили другую причину набегов Кучумовичей. Они откровенно объясняли служащим Посольского приказа, что царевичи «приходят войною на государевы украины», «хотя тем свою бедноту пополнить» [21, л. 8]. Нестабильность и превратности кочевого образа жизни вынуждали Кучумовичей и их сторонников совершать набеги, главная цель которых заключалась в наживе и получении добычи. При этом в наибольшей степени от их грабительских набегов страдало ясачное население сибирских уездов. Для

решения более амбициозных задач силы потомков последнего сибирского хана были слишком малы, что делало их борьбу с русскими в XVII в. бесперспективной.

Список литературы:

1. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4.
3. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1.
4. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
5. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2
6. Бахрушин С.В. Восстание в Западной Сибири в 1662 – 1665 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII – XX вв. Брянск, 1999.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1887. Ч. 4.
8. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. Сб. документов. М., 1982. Т. 1. № 91.
9. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
10. Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628 – 1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2.
11. Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII в. из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662 – 1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2000.

12. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л., 1936.
13. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI – XVII вв. Л., 1932.
14. Международные отношения в центральной Азии. XVII – XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. 2.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3.
17. Народы Сибири. М.; Л., 1956.
18. Ница А. Предание о нападении на Уфу сибирских царевичей Аблая и Тевкеля // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1912. № 5.
19. Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1.
20. РГАДА. Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба). Оп. 1. Ч. III. Д. 134. Ч. 2.
21. РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1639 г. Д. 2. Ч. 1.
22. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2.
23. Русско-монгольские отношения. 1636 – 1654. Сб. документов. М., 1974.
24. Русско-монгольские отношения. 1654 – 1685. Сб. документов. М., 1996.
25. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.
26. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11 – 12. История России с древнейших времен. М., 1995.
27. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. М., 2007.
28. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1980.
29. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24.
30. Шунков В.И. Очерки по истории освоения Сибири (XVII в.). М., 1956.